

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Зеркало сновидений

Приключения баронессы Корф

Его величество случай

Валерия Вербинина
Зеркало сновидений

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Зеркало сновидений / В. Вербинина — «Автор», 2017 — (Его величество случай)

ISBN 978-5-699-95305-9

Тайный агент российского императора баронесса Амалия Корф вместе с напарником, Сергеем Ломовым, ожидала приказа отправиться на новое дело государственной важности. Партнеры проводили время в фехтовальных тренировках и ментальных спаррингах. После похода в гости к своему старому знакомому, Базилію Истрину, Ломов, скептически посмеиваясь, рассказал Амалии о том, что накануне двум молодым людям, Арсению Истрину и Ольге Левашевой, приснился один и тот же сон. Амалия высмеяла эту историю, однако вскоре сон в точности воплотился в реальность – был обнаружен труп Лизы, сестры Ольги. Теперь уже Амалия, циник и реалист, всерьез заинтересовалась этим делом и самостоятельно взялась за расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95305-9

© Вербинина В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерия Вербина

Зеркало сновидений

© Вербина В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Тетушка

Сергей Васильевич Ломов терпеть не мог светской жизни. Его раздражала необходимость одеваться каким-то особенным образом, чтобы выглядеть *comme il faut*¹. Он досадовал, что ему приходится отложить другие – всегда более важные и интересные – дела и рассчитывать время, чтобы не явиться слишком рано или, напротив, не причинить неудобств своим опозданием. Мысль, что во время званого вечера надо будет соблюдать тысячу условностей, без которых он бы прекрасно обошелся, также не добавляла оптимизма. Развлечения, которые обещали хозяйева, заманивая гостей, его тоже мало прельщали: он был равнодушен к музыкальным номерам, а также фокусникам, предсказателям и литераторам, талантами которых приличные люди обыкновенно угощают собравшихся, как десертом. Некоторые, как известно, ходят по гостям с целью набить себе желудок, но, хотя Ломов ценил хорошую кухню, он не любил трапезничать там, где не мог полностью контролировать приготовление пищи. Такая осторожность развилась у Сергея Васильевича после того, как его однажды пытались отравить, но ни одной душе на свете он не обмолвился о том случае. Для тех сравнительно немногих людей, которые сталкивались с Ломовым вне его работы, он был скучный отставной военный, холостяк, бирюк и медведь, который одиноко жил в своем петербургском доме. Из прислуги Сергей Васильевич держал при себе только денщика, молчаливого и неприметного настолько, что его имя никто даже не удосужился узнать. С точки зрения поверхностного наблюдателя, Ломов не представлял ровным счетом никакого интереса; с точки зрения самого Сергея Васильевича, его жизнь обладала всей необходимой полнотой и совершенно его устраивала. Однако, несмотря на все его ухищрения, ему все же приходилось считаться с кое-какими обстоятельствами, на которые он никак не мог повлиять: например, с родственниками, которые время от времени вторгались в его жизнь и тем или иным образом заявляли на него свои права.

Какой-нибудь досужий философ наверняка уже имел случай заметить, что родственники – это по большей части люди, с которыми нас так мало связывает, что только упоминание о кровных узах мешает нам выставить их за дверь. И в самом деле, большинство своих родственников Сергей Васильевич не жаловал – за исключением тетушки Евдокии Петровны, которая его воспитала. Отец Сергея Васильевича скоропостижно скончался, когда Ломов был мальчиком, а мать через некоторое время снова вышла замуж. Нельзя сказать, что она не любила своего сына, но как-то само собой получилось, что Сережа вскоре оказался у тетки, да так у нее и остался. Когда он вырос, мать захотела, чтобы он сделался инженером, как ее второй муж, но Ломов предпочел армию. Тут Евдокия Петровна никак не пыталась на него повлиять, но объявила, что поддержит любое его решение. Она писала ему подробные письма, когда он находился в полку, высылала деньги, чтобы он мог уплатить карточные долги, и сообщала обо всем, что происходило в ее маленьком имении за время его отсутствия. И хотя Ломов был не из тех, кого можно заподозрить в сентиментальности, и вообще остерегался доверять людям, теплое чувство к тетушке он пронес через всю жизнь.

Ныне он считался отставным майором без особых перспектив в жизни, а Евдокия Петровна состарилась и вся поседела, но ее необыкновенные глаза цвета лепестков незабудки все еще напоминали о том, что в молодости она была вовсе не дурна собою. Муж разъехался с ней через полтора года после свадьбы, единственная дочь умерла в раннем детстве, так что всю свою любовь Евдокия Петровна перенесла на племянника, оставив лишь самую малую толику для своих крестников. Несколько дней назад тетушка приехала из имения в Петербург

¹ подобающим образом (*франц.*).

и, несмотря на приглашение Ломова пожить у него, остановилась в гостинице. Деликатность позволила ей обременить его только одной просьбой: она хотела, чтобы Сергей Васильевич сопровождал ее в гости к одному из крестников, который пригласил ее к себе на вечер и заверил, что будет только рад, если она приведет с собой и своего племянника.

Услышав, чего от него хочет тетушка, Ломов насупился. Он хорошо помнил Василия Истрина, о котором шла речь, потому что в детстве тот жил в соседнем имении. Василий, или, как на французский манер предпочитали называть его родители, Базиль, был на несколько лет старше Ломова, но это обстоятельство вовсе не помешало Сергею хорошенько отколотить его за то, что он нарочно сломал игрушку, которую ему не хотели отдавать. Уже в детстве Базиль претендовал на роль жоака, хотя тогда Сергей видел в нем всего лишь зазнайку и шкодливого мальчишку, который норовит сделать пакость и притвориться, что он тут ни при чем. Уязвленный своим поражением Базиль пожаловался маме, после чего Сергей решил, что пакостный сосед еще и ябеда, и перестал с ним общаться; впрочем, Базиля вскоре отправили в петербургскую гимназию, так что их дороги все равно разошлись. Ломов смутно припомнил, что в своих письмах тетка писала о том, что Базиль сделал нешуточную карьеру, и усмехнулся. Взлет Истрина его не удивлял; удивило бы, пожалуй, обратное – если бы Базиль не добился успеха. Еще когда он был ребенком, он умел втираться в доверие и располагать к себе тех, кто, в отличие от Ломова, не видел его насквозь.

«Интересно, как он выглядит теперь, – подумал Сергей Васильевич и тотчас же поправил себя: – а впрочем, ни черта не интересно. Наверняка такой же старый, лысый и скучный господин, как все в его возрасте. – Ломов был всего на три года младше, но не считал себя старым и уж точно не блистал лысиной. – Тетушку, конечно, он пригласил, чтобы пустить ей пыль в глаза. Если Базиль наводил обо мне справки, то наверняка решил, что я ничего особенного не добился и передо мной тоже можно безбоязненно покрасоваться. Видеть его я не хочу, говорить нам не о чем, но отказать тетушке я тоже не могу».

– Он теперь действительный статский советник², – подала голос Евдокия Петровна. – Живет в собственном особняке на Гороховой улице. Его первая жена была дочерью генерала Владимира Леонардовича Фрейберга фон Пиркеля.

– Кажется, он рано овдовел, – буркнул Ломов. – Я про Базиля, а не про генерала, само собой.

Евдокия Петровна кивнула. Как и многие женщины, она досконально знала подробности семейной жизни всех своих знакомых и не упускала случая поведать о них. Как и многие мужчины, Сергей Васильевич мало интересовался подобными деталями, но он обладал цепкой памятью, которая выручала его как на службе, так и в доверительном разговоре с тетушкой.

– Да, в 26 лет, – ответила Евдокия Петровна на слова своего племянника. – Его жена умерла родами.

– И он нашел себе дочь министра?

Тетушка была женщиной старомодной и плохо понимала сарказм, поэтому она воззрилась на Ломова с легким неудовольствием.

– Да, Базиль женился во второй раз, но его нынешняя супруга вовсе не дочь министра. Ее отец – обыкновенный помещик.

– Странно, – раздумчиво заметил Сергей Васильевич. – Многие помещики после реформы³ разорились...

Тетушка вздохнула.

– Вряд ли тесть Базиля хоть раз думал о разорении... Он когда-то получил большое наследство от дальней родственницы.

² Чин табели о рангах (соответствовал чину генерал-майора в армии).

³ Имеется в виду реформа 1861 года, отменившая крепостное право.

– Ага, – удовлетворенно промолвил Ломов. В глазах его блеснули колючие огоньки. – И конечно, это случилось незадолго до того, как Базиль воспылал любовью к его дочери.

– Ты не любишь его, – заметила Евдокия Петровна скорее утвердительно, чем в виде вопроса.

– Я никого не люблю, – ответил Ломов, что было чистой правдой.

Тетушка заколебалась.

– Послушай, Сережа... Если тебе не хочется туда идти...

– Не обращайтесь внимания на мое ворчание, тетушка, – поспешно промолвил ее собеседник. – Я пойду с вами к Базилю. Мне и самому любопытно узнать, насколько он изменился...

«...Остался ли он таким же прохвостом, каким и был, или сделался еще хуже», – закончил про себя Сергей Васильевич. Как видим, отставной военный не питал никаких иллюзий относительно людей.

Евдокия Петровна произнесла бессвязную речь о том, что она не собиралась его обременять. Ломов, уже жалея о своей резкости, принялся убеждать ее, что он ничего – почти ничего – не имеет против Базиля, его семьи или его благосостояния. Но, пока он говорил, его не покидало неприятное чувство, что мысленно тетушка не перестает их сравнивать и что сравнение получается не в пользу Ломова. Базиль был дважды женат, обзавелся детьми, занимал высокий пост, получал недурное жалованье и вообще производил впечатление баловня судьбы; а Сергей Васильевич... нет, решительно Сергей Васильевич не мог составить ему конкуренцию, по крайней мере в глазах тех, кто не был осведомлен об истинном характере его деятельности.

– Я вовсе не хотела тебя утруждать, – в очередной раз повторила тетушка, – но я очень хорошо относилась к его матери и я давно не видела Базиля, а он узнал, что я приезжаю, ну и...

Ломов вздохнул и потер лоб. Он предвидел, что вечер у Базиля будет напрасной тратой времени, но раз тетушка хотела туда идти... В конечном счете, ни о чем особенном она племянника не просит. Для него это значит лишь несколько часов в чужом обществе, возможно, не самом приятном, но по службе Сергею Васильевичу приходилось сталкиваться с такими людьми, что по сравнению с ними даже расчетливый прохвост Базиль показался бы ангелом, даром что без крыльев.

– Тетушка, – пробурчал Сергей Васильевич, – я уже сказал, что вовсе не против составить вам компанию... В чем дело?

Вопрос был обращен к денщику, который только что появился в гостиной. Не проронив ни слова, тот подал Ломову маленький запечатанный конверт. Сергей Васильевич вскрыл его и пробежал глазами текст записки, подписанной просто «АК».

– Хорошо, – сказал Сергей Васильевич денщику. – Ответа не будет.

Во время этой маленькой интермедии тетушка с преувеличенным вниманием разглядывала ничем не примечательный узор ковра на полу, противоположную стену, украшенную скучными темно-желтыми обоями, и ножки стола – тоже так себе ножки, по правде говоря.

– Сережа, – нерешительно промолвила Евдокия Петровна, когда денщик удалился, – надеюсь, я не отрываю тебя ни от каких важных дел?

Ее племянник усмехнулся.

– Полно вам, тетушка... Ну какие такие дела могут быть у скучного отставника вроде меня? Так, живем помаленьку, коптим небо...

Тетушка пытливо посмотрела на него и неожиданно даже для себя самой выпалила:

– Это дама?

– Что? – изумился Сергей Васильевич.

– Записка от дамы?

– Тетушка, – проворчал Ломов, – не знаю, с чего вы решили...

– Мне показалось, что от записки пахнет духами, – промолвила Евдокия Петровна, храбрясь, хоть и немножечко жалела, что вообще завела этот разговор.

Сергей Васильевич сердито засопел. Тетушка сидела в кресле, от которого до его стула было примерно семь-восемь шагов, и отставной вояка не мог постигнуть, как на таком расстоянии можно уловить, чем пахнет крошечная записка.

– И потом, – с увлечением продолжала тетушка, – мужчины редко посылают письма на маленьком листочке в маленьком конверте. Даже если им надо черкнуть три строки, они займут целый лист и конверт возьмут побольше...

Тут Сергей Васильевич понял, что его поймали с поличным и вывернули наизнанку, что отрицать происходящее бессмысленно, а отступить некуда, и решил пойти ва-банк.

– Тетушка, это действительно письмо от одной дамы, которую я знаю... Но могу поклясться вам чем угодно, что... гм... мы с ней просто хорошие знакомые.

– А, – как-то очень неопределенно молвила тетушка и поглядела на племянника таким взглядом, словно хотела прочесть все его мысли, даже те, которые он сам предпочитал не додумывать до конца. – Сережа, ты никогда не рассказывал мне о своих знакомых дамах!

– Да тут и рассказывать нечего, – отозвался Ломов, пожимая плечами. Обычно люди после слов «нечего рассказывать» нагромождают сто этажей хаотических подробностей, но не таков был Сергей Васильевич: его интонация показывала, что увесистая точка в конце фразы бесповоротна и обжалованию не подлежит.

– Жаль, жаль, – промолвила тетушка, качая седой головой и отвечая скорее своим собственным мыслям, чем собеседнику. – Значит, ты заедешь за мной? В котором часу?

Глава 2

Гости

Любой человек, которому посчастливилось бы попасть в гости к действительному статскому советнику Истрину, перво-наперво решил бы, что богатство – очень, очень хорошая вещь. Вазы, картины, зеркала, бронза... а мраморная лестница! А резная мебель! А...

Однако тут, пожалуй, гость неминуемо закручинился бы, что все это великолепие принадлежит не ему самому, и не исключено, что черная змея зависти обвила бы его сердце. Принужденно улыбаясь, он бродил бы по комнатам старинного особняка, досадовал на судьбу, которая осыпает своими дарами кого угодно, только не его, и в конце концов, не сдержавшись, мысленно пожелал бы хозяевам дома рухнуть с колеса фортуны как можно ниже – чтобы они разом лишились всего, чем так хотелось обладать ему самому.

Но не таков был Сергей Васильевич Ломов. Отправляясь на вечер, он решил, что воспользуется случаем для того, чтобы лишний раз попрактиковаться в кое-каких рабочих навыках. По долгу службы Ломову приходилось среди прочего заниматься ядами, стрельбой, а также всеми видами фехтования, но в данной ситуации речь шла лишь о невинном психологическом упражнении. Суть его заключалась в том, что по первым фразам тех, кого он увидит, их манерам и внешним признакам Сергей Васильевич должен будет вычислить их характер, привычки, социальное положение и вообще все, что только можно.

«Вероятно, – размышлял Сергей Васильевич, вместе с тетушкой поднимаясь по лестнице истринского особняка, – Базиль сделает вид, что не сразу меня заметил, потом подойдет, будто бы спохватившись, наговорит кучу любезностей, воткнув в них, как иглы в подушечку, несколько колкостей, объявит тетушке, как он счастлив ее видеть, предложит показать нам особняк, чтобы дать нам сполна прочувствовать его величие...» И он усмехнулся.

Все вышло почти так, как он и предвидел. Базиль действительно выдержал паузу перед тем, как подойти к гостям, зато Ломов был вынужден признать, что погорячился, предположив ранее, что хозяин дома обязательно окажется стар, лыс и скучен. Перед Евдокией Петровной и ее племянником предстал прекрасно одетый господин лет 50 с высоким выпуклым лбом и остроконечной темной бородкой, в которой пробивалась седина. Конечно, Базиль был уже немолод, но уж точно не имел проблем с шевелюрой, а что касается скуки, то человек, живущий в собственном особняке, может себе позволить быть каким угодно. И хотя Ломов недолюбливал Базиля и не сомневался, что тот относится к нему точно так же, Сергей Васильевич не мог не отметить, что хозяин дома выглядит на редкость импозантно.

«Непохоже, чтобы здоровье доставляло ему неудобства, – спрогнозировал Ломов, внимательно оглядев Базиля. – Судя по небольшому брюшку, любит хорошо поесть. Возможно, содержит любовницу – слишком уж тщательно следит за собой. Морда сытая и самодовольная, человек явно считает, что его жизнь удалась. Хотя нет, не совсем, – поправил себя Сергей Васильевич, – в глазах на самом дне таятся что-то вроде тревоги, правда, глубоко затаенной. Интересно, какие проблемы могут быть у этого прохвоста? Денег у него точно куры не клюют».

– А ты постарел, – вздохнул Базиль после того, как обмен приветствиями был закончен. – Я слышал, ты пошел по военной части? Никогда не понимал, что хорошего может быть в армии. Правительство распоряжается тобой как своей собственностью, и посылает куда ему вздумается... я уж не говорю о том, что, если начнется война, тебя могут убить или покалечить...

– Убить может и карета, если наедет на тебя в мирное время средь бела дня, – ответил Сергей Васильевич хладнокровно.

Базиль приподнял правый уголок рта в знак того, что оценил шутку Ломова. Тот сразу же вспомнил эту манеру Истрина снисходительно улыбаться, которая с детства не изменилась,

и внезапно понял, что хозяин дома стал ему еще больше антипатичен, чем когда бы то ни было. «Хладнокровнее, – приказал себе Сергей Васильевич, чтобы сохранить спокойствие, – еще хладнокровнее». Меж тем Базиль подозвал свою жену и представил ее Ломову и Евдокии Петровне.

«Костлявая блондинка, холодная и неприятная, – помыслил Сергей Васильевич, оглядев ее. – Абсолютно петербургский тип. Глаза кислые, маленькие... так смотрит женщина, которая не слишком-то счастлива в личной жизни. Нет, у Базиля точно есть любовница. Вероятно, жена ему спуску не дает...»

– Рада, что мы с вами наконец познакомились, Варвара Дмитриевна, – сказала тетушка. – Какое прекрасное платье! – добавила она, кивая на наряд хозяйки из темно-синей тафты.

Все с тем же кислым видом Варвара Дмитриевна процедила сквозь зубы несколько загадочных фраз, смысл которых ускользнул от Сергея Васильевича; однако по восторженным ахам и охам тетушки он понял, что речь шла об очень дорогой портнихе. Но, к счастью, тут явились дети Базиля, и беседа приняла другой оборот.

– Mon fils⁴, – объявил Базиль, улыбаясь уже не наполовину, а вполне искренне, отчего разом помолодел на несколько лет. – Арсений, поручик Виленского 52-го пехотного полка. И моя дочь Машенька, – добавил он, указывая на девушку в платье нежно-кораллового шелка.

Однако Ломов обратил внимание вовсе не на платье, а на блестящие карие глаза, вздернутый носик, выщипанные темные волосы и решил, что Машенька хоть и не производит впечатления красавицы, но смотреть на нее приятно. Круглое лицо и большие уши, как у ее отца, немного портили дело, но Сергей Васильевич отлично сознавал, что он пристрастен, и был готов проявить великодушие.

«Милое создание, – думал Ломов, – должно быть, пачками поглощает книги о любви, обожает чувствительные романы – Чигринского⁵, например, – держит уйму домашних питомцев и порхает как птичка. Такие, как эта барышня, хороши только в чудесную пору беззаботной юности. Выйдет замуж и превратится в скучную, скорее всего, разочарованную женщину... и выражение лица у нее станет как у матери – уксусное».

Он перевел взгляд на Арсения и сразу же увидел, что молодой человек держится чуть-чуть в стороне от своих близких. Он стоял заложив руки за спину и время от времени вставлял в разговор приличествующие случаю фразы, но его вид Сергею Васильевичу не понравился. «Что-то его тяготит, – подумал Ломов, – он явно не в своей тарелке – почему? Какая-нибудь глупенькая дамочка сказала бы, что он выглядит донельзя романтично. От офицера в нем только выправка да пробор. Блондин, мало похож на сестру... Стоп, Базиль же был женат дважды. Ну, тогда понятно, отчего юноша избегает смотреть на Варвару Дмитриевну: она не мать ему, а мачеха. 52-й Виленский полк расквартирован в Феодосии, где Феодосия и где мы? Базиль уж точно мог бы повлиять на то, чтобы сына определили куда-нибудь поближе, не говоря уже о том, что в России полно куда более престижных полков. Или тут вмешалась мачеха?»

– Дорогая крестная, – сказал Базиль Евдокии Петровне, – поскольку вы впервые у нас в гостях, я сочту за честь показать вам дом...

Мысленно Сергей Васильевич похвалил себя за проницательность. Чем больше люди меняются, тем меньше изменяются, мелькнуло у него в голове; кажется, есть даже какая-то французская поговорка на этот счет, которую Амалия недавно цитировала⁶. Базиль и его домохозяева повели гостей по комнатам, и хозяин останавливался возле всякой картины, каждой значительной безделушки, украшавшей интерьер. С важным видом Базиль объявлял ее зна-

⁴ Мой сын (*франц.*).

⁵ Историю композитора Чигринского можно прочитать в романе В. Вербининой «Заблудившаяся муза».

⁶ Plus ça change, plus c'est la même chose (*франц.*). Речь идет не о людях, а о порядке вещей вообще.

чение и стоимость, Сергей Васильевич хранил каменное выражение лица, отлично зная, как оно должно раздражать самолюбивого хозяина, а тетушка восторгалась. Варвара Дмитриевна и Машенька то и дело вставляли свои реплики, а Арсений упорно молчал, глядя в сторону. «Нет, – подумал Ломов, – это определенно не сплин и не модная поза; так смотрит человек, глубоко недовольный собой и всем на свете. Базиль язвил, что я военный, но сына он тем не менее отправил в армию, и похоже, что зря. Не быть этому молодчику хорошим офицером... или я не Сергей Ломов».

Тем временем один за другим стали появляться гости, приглашенные на ужин. Прибыла крупная, громкоголосая дама лет 45 с роскошными медно-рыжими волосами и ослепительно белыми плечами, отзывавшаяся на имя Елена Ивановна Устрялова. Возле ее локтя суетился мелкий невзрачный господин с усами щеткой и голубыми глазами, оказавшийся ее мужем Порфирием Филипповичем. Базиль познакомил вновь прибывших с крестной и Ломовым, объяснив, что начинал с Устряловым службу в одном департаменте и дружит с ним много лет.

«Баба хороша, – помыслил Сергей Васильевич, косясь на Елену Ивановну, – а в молодости наверняка была еще лучше. Муж до сих пор совершенно ею очарован... вон как влюбленно на нее смотрит. – Тут, что с ним бывало крайне редко, он ударился в фантазии. – Ей бы полком командовать: голос такой, что кони небось шарахаются. Женщины с таким голосом кажутся уверенными в себе и способны без труда поддержать любой разговор, хотя на самом деле больше всего любят перемывать косточки своим знакомым. Стоит таким, как Елена, найти благодатный источник, и они долго не уймутся... Прислуга ее обожает, даром что она командует домом и не упускает ни одной мелочи. Муж живет в ее тени и совершенно этим удовлетворен. За глаза над ним, вероятно, подсмеиваются, а в глубине души просто завидуют».

– Вы мне скажите, милостивый государь, – горячилась Елена Ивановна, обращаясь к нему, – так будет война или нет?

– Ради вас, – галантно промолвил Ломов, кланяясь, – я готов объявить ее хоть сейчас. Только прикажите!

– Боже упаси! – замахала руками гостя. – Я думала, хоть кто-то знает, что происходит. В газетах порой пишут такое, что их открывать страшно. Германия, Англия, Франция... А Австрия? И все интригуют, все!

– Войны не будет, Елена Ивановна, – серьезно сказал Арсений. – По крайней мере, в ближайшие несколько лет.

– Я не понимаю, почему бы людям просто не жить в мире, – подала голос Евдокия Петровна. – Просто взять и запретить войны.

И хотя она всего лишь высказала вслух мысль, которая рано или поздно приходит в голову любому порядочному человеку, присутствующие посмотрели на нее так, словно она сморозила несусветную глупость.

– Шанины приехали, – заметила хозяйка дома, чтобы сменить тему. Варвара Дмитриевна раскрыла веер из страусиных перьев и мерно обмахивалась им. Ее тонкие губы едва шевелились, когда она говорила.

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что Шанины являются ее родственниками. На ужин прибыли четыре человека: глава семейства Павел Иванович, Александра Евгеньевна, его супруга, и старшие дети – близнецы Володя и Коля, учившиеся в университете. Трое младших детей остались дома.

Внешне Павел Иванович походил на занятную смесь колобка и лисы, и Ломов, увидев подвижный лисий нос вновь прибывшего, тотчас решил, что с таким партнером не стоит играть в карты: надует, непременно надует. Жена казалась обыкновенной увядшей блондинкой, поглощенной заботами, и Сергей Васильевич мысленно определил, что она обожает детей, считается хорошей хозяйкой и за пределами домашнего круга не представляет из себя ничего особенного.

Близнецы в смысле внешности пошли больше в мать, чем в отца, но Сергей Васильевич не успел прийти ни к каким выводам по их поводу, потому что появились Левашовы и его внимание переключилось на новых гостей.

«Ба, да это Кирилл! В детстве он как-то приезжал к Истриным, но я так и не успел толком с ним познакомиться... Забавно, тогда он казался худым и невзрачным, а сейчас красавец мужчина, гроза женского пола... если жена ему позволяет. Ого-го, какой у нее волевой взгляд! То есть не волевой, – тотчас же поправился Ломов, – но уж точно взгляд человека, который умеет добиваться своего и не терпит компромиссов. Черт, как на нее смотрят остальные дамы! Наверное, ее платье лучше, чем те, которые они могут себе позволить, – хотя для меня ее наряд всего лишь красная тряпка».

Он так увлекся, анализируя Наталью Андреевну Левашову, что едва не упустил из виду ее дочерей, Лизу и Оленьку. Обе были белокурые, сероглазые и свежие, как розовый бутон, но на этом их сходство кончалось. Ломов сразу же увидел, что старшая Лиза – очаровательная и избалованная, а младшая Оленька избегает выделяться и держится на вторых ролях. Вместе с ними прибыл молодой взъерошенный брюнет в очках, который отрекомендовался Ларионом Масловым. Он все время улыбался, пытаясь расположить к себе присутствующих, и невпопад делал дамам комплименты, перебивая других собеседников. По его манере держать себя – не то чтобы излишне подобострастной, но явно несвободной – Ломов безошибочно определил, что имеет дело с приживалом.

«Нервный молодой человек, не слишком умный... Впрочем, говорит, как образованный. Студент? Такие, как он, увлекаются десятью идеями каждый день, но остывают еще быстрее... Интересно, что он делает в семье Левашовых?»

Он заметил, что юноша вздрогнул и переменялся в лице, когда хозяйка дома, не считаясь с его присутствием, заметила Наталье Андреевне, что к ужину они ждали ее с супругом и дочерей, а теперь придется ставить еще один прибор для неожиданного гостя.

– Это мы пригласили его поехать с нами, – сказала Оленька, вспыхнув. – Мы собирались послезавтра в Петергоф, но Ларион перепутал дни и пришел сегодня.

Судя по выражению лица Варвары Дмитриевны, она относилась к числу смертных грехов и сама – уж будьте благонадежны – никогда ничего не забывала; но тут вмешался Базиль и сказал, что он распорядится насчет еще одного прибора. Таким образом, за столом оказалось семнадцать человек. Ломов сидел между тетушкой и Павлом Шаниным, который среди прочего осведомился у него, как он относится к картам. Однако в общем разговоре за столом безраздельно царила Елена Ивановна. Речь ее текла, как прихотливая река, меняя направление по несколько раз в минуту; только что она говорила о романах графа Толстого – и вот уже завела речь об угарном газе, а от него перешла к черноземным губерниям. О чем бы ни шла беседа, Елена Ивановна высказывалась свободно и определенно, с точки зрения практичной женщины, которая немало видела в своей жизни. Она не пыталась щеголять ученостью и не искала чужого внимания; ее говорливость была такой же частью ее природы, как и медно-рыжие волосы, уложенные в подобие короны, и все ее пышущее здоровьем существо. Ломов поймал себя на мысли, что он чувствует себя как кот у горящего камина в холодной и довольно неудобной комнате. Огонь пылает в очаге, и взор невольно обращается только к нему, минуя все остальное.

– А Рязанская губерния черноземная или нет? – спросила Лиза невинным тоном. Все засмеялись, кроме Оленьки, которая ограничилась мимолетной улыбкой. Младшая сестра была большеглазая, полная, с вздернутым носиком и короткими пальцами и, уж конечно, не шла ни в какое сравнение со своей стройной, насмешливой сестрой. Сергей Васильевич подумал, что дома, вдали от посторонних глаз, сестры частенько ссорятся и старшая неизменно одерживает верх. Впрочем, Наталья Андреевна наверняка следит за тем, чтобы ссоры между девушками не перерастали в серьезные конфликты, и быстро водворяет мир.

– Говорят, если покупать землю, то лучше в нечерноземной губернии, – заметил Павел Иванович, поведя лисьим носом. – Потому что там всякий огурец можно продать с выгодой, а в черноземных губерниях всего пропасть...

– И-и, милостивый государь, прежде чем что-то продать, надо это вырастить, – назидательно отозвалась Елена Ивановна.

– Совершенно верно! – с готовностью поддакнул ее супруг.

– Признаться, лично я не охотник до сельской жизни, – сказал Базиль, улыбаясь. – Впрочем, дача – другое дело.

Евдокия Петровна заступилась за сельскую жизнь, старшие Шанины ее поддержали, в то время как супруги Левашовы высказались в том смысле, что город куда лучше деревни. Хозяйка дома неожиданно выступила на стороне Евдокии Петровны – как решил Ломов, лишь для того, чтобы досадить мужу, вслух высказавшему иную точку зрения. Елена Ивановна стояла на том, что и в городе, и в деревне есть своя прелесть. Молодое поколение, представителей которого собралось за столом аж семь человек, слушало и скучало. Больше всего, по видимому, скучал Арсений, который даже не пытался делать вид, что предмет беседы ему интересен. Было в его облике нечто, что Ломов про себя определил как безнадежно штатское, но и среди штатских молодой поручик ухитрился выглядеть чужеродным элементом. Ларион Маслов попытался заинтересовать всех сообщением, что, раз есть существа, которые живут в воде, и такие, которые живут на суше, одни люди вполне могут предпочитать деревню, а другие – город; но его замечание вызвало взрыв смеха.

– Ах, Ларион, Ларион! – вздохнула Наталья Андреевна. – Чего вы только не придумаете...

Ужин кончился, и общество проследовало в гостиную, где разбилось на несколько групп. Молодежь завладела роялем, и близнецы стали уговаривать Лизу спеть. Та отнекивалась, но больше для приличия. Второй кружок образовался возле Елены Ивановны: кроме ее супруга, он включал хозяйку дома, Павла Ивановича с женой и Кирилла Степановича. Наталья Андреевна села чуть поодаль, словно была сама по себе, и Ломов подумал, что этой неглупой волевой женщине просто не хочется признавать главенство рыжеволосой красавицы. По старой привычке Ломов примостился в уголке возле дверей, откуда ему было прекрасно видно всю комнату; тетушка сначала обосновалась возле него, но, когда Машенька села за инструмент, а Лиза начала петь, не утерпела и переместилась поближе к роялю. Хозяин дома отлучился, чтобы отдать распоряжения, а когда вернулся, выбрал не слишком удобное кресло недалеко от Ломова, который сразу же насторожился. «Так я и знал... приглашение, разговоры о дорогой крестной, отменная еда – все это было лишь предлогом. На самом деле Базиль не тетушку мою пригласил, а меня, и с дальним прицелом... Что-то этому прохвосту от меня нужно; только вот что? – Сергей Васильевич метнул взгляд на Арсения, который в компании сверстников стал немного оживленнее, чем обычно, и с видимым удовольствием слушал пение Лизы. – Похоже, сынок доставляет больше хлопот, чем кажется. Но я-то тут каким боком?»

Глава 3

Беседа

– Знаешь, в последнее время я все чаще вспоминаю детство, – начал Базиль, поглядывая на непроницаемое лицо Ломова. – Кажется, только тогда человек и бывает счастлив...

– Ничего ты не вспоминаешь, – отрубил Сергей Васильевич, поворачиваясь к нему. – Говори, зачем звал.

Базиль открыл рот, потом закрыл его, глупо улыбнулся и в замешательстве правой рукой почесал левое ухо.

– Да, Сережа, ты ведь всегда был... – Он не закончил фразу и усмехнулся. – Признаться, я завидовал твоей способности переть напролом и ни с кем не считаться. Ничего, что я на «ты»? – спохватился он. – Все-таки столько лет знаем друг друга...

Лиза закончила петь, и слушатели горячо зааплодировали. Кто-то из близнецов – то ли Володя, то ли Коля, Ломов не разобрался – стал уговаривать ее спеть еще один романс, но Лиза кокетливо объявила, что ей нужен перерыв, потому что она не хочет разочаровывать собравшихся посредственным пением. Ларион попросил позволения сесть за рояль рядом с Машенькой, и они стали негромко импровизировать в четыре руки. В другой части гостиной Елена Ивановна обсуждала с Кириллом Степановичем какой-то животрепещущий вопрос, забрасывая его словами. Ломов внимательно посмотрел на них и решил, что холеный красавец когда-то был равнодушен к рыжей говорунье, но она дала ему от ворот поворот, о чем он, возможно, до сих пор в самой глубине души жалеет. Есть такие оттенки взглядов, думал Сергей Васильевич, по которым можно многое прочесть; так, по Елене Ивановне заметно, что она относится к Кириллу Степановичу по-дружески, но чуть-чуть свысока, он пытается вести себя непринужденно, но не сводит с нее глаз и слишком искательно улыбается, а Порфирий Филиппович не то чтобы бродит вокруг, зеленый от ревности, но уж точно держится начеку и не упускает ни одного слова из разговора. Ломов был вовсе не прочь продолжить свои наблюдения, но его отвлек хозяин дома.

– Я не знаю, что делать с Арсением, – признался Базиль. – Он меня беспокоит.

– Карты или женщины? – осведомился Ломов, наперед зная, каков будет ответ.

– Ни то ни другое. – Базиль поморщился. – Давай я расскажу тебе, почему он сейчас не в полку. Формально ему дали отпуск по состоянию здоровья, но на самом деле он здесь, потому что дал пощечину другому поручику.

– За что?

– За то, что тому не нравятся стихи Пушкина.

Ломову оставалось только вытаращить глаза, что он и сделал.

– Дело едва не кончилось дуэлью, пришлось вмешаться полковому командиру, чтобы все уладить, но ведь это не единственный случай.

– А что, были и другие? – желчно осведомился Сергей Васильевич.

– Да, но до дуэли дело не доходило.

– И тоже из-за стихов Пушкина?

– Не только. С кем-то из товарищей он разошелся во взглядах на музыку, например.

– Зачем ты в таком случае отправил его в армию? Прости меня, но Пушкин, любовь к музыке и прочее – это не совсем то, что нужно офицеру. Точнее, совсем не то.

Базиль нахмурился, и Ломов понял, что затронул тему, на которую его собеседник не был готов говорить.

– Ты, может быть, не знаешь, но его дед с материнской стороны был генералом, – пробормотал Базиль. – И потом...

Он замолчал. Тем временем Лиза вернулась к роялю, а Ларион перестал играть и отошел к окну. Лиза запела. У нее был нежный, чистый голос, чрезвычайно приятный для слуха; и сама она казалась приятной, нежной и чистой. Неожиданно Ломов поймал себя на мысли, что, в общем и целом, он вовсе не жалеет о том, что находится здесь.

– У нас с Варей был сын, – проговорил наконец Базиль тусклым голосом. – Мы думали, что Арсений пойдет по стопам деда, а Митенька станет чиновником, как я. Но в начале года он умер. Лучшие врачи... они не смогли ему помочь.

Он обмяк в кресле и прикрыл глаза рукой. Машенька взяла финальный аккорд, который утонул в громе аплодисментов. Ларион, сверкая стеклами очков, кричал: «Браво!» и хлопал громче всех.

– А как твоя жена относится к Арсению? – Ломов решил поставить вопрос ребром.

Базиль опустил руку, которой прикрывал глаза. Сергей Васильевич не мог проникнуть в мысли своего собеседника, но был совершенно уверен, что тот попытается солгать – или как минимум увильнуть от ответа.

– Не думаю, что это имеет какое-то значение, – промолвил Истрин с явным неудовольствием. – Тем более что Варя всегда обращалась с ним хорошо.

– То есть она заменила ему родную мать, – как бы между прочим вернул Ломов. Базиль метнул на собеседника хмурый взгляд, но Сергей Васильевич, казалось, говорил без всякой задней мысли.

– Боюсь, что замены не получилось, – в порыве откровенности признался хозяин дома, – и вряд ли по вине Вари. Когда мы поженились, она сказала Арсению, что он должен называть ее мамой, на что он отрезал: «Нет! Моя мама на небе». Думаю, ему няньки внушили эту мысль – так-то он был покладистым ребенком. Словом, началось все с пустяков, а дальше покатило как снежный ком. Он отказывался ей подчиняться, она жаловалась мне на него, и так далее. С годами его отношения с Варей не улучшились, при том, что к брату и сестре он всегда был очень привязан. Когда Митенька умер... – Базиль замялся, – ты ведь никому не расскажешь?

– Ты же меня знаешь, – усмехнулся Ломов. – Я не болтлив.

– Варя была в ужасном горе. – Базиль помрачнел. – Только так я и могу это объяснить. Я услышал, как она говорила с Арсением. Она не знала, что я случайно оказался за дверью...

И почему люди тратят столько слов для объяснения простейшей ситуации, тысячи раз обыгранной в литературе и миллионы, если не миллиарды раз случавшейся в реальной жизни? Подумаешь, эка невидаль – шел мимо и узнал нечто, не предназначенное для его ушей...

– И что же сказала твоя жена? – спросил Ломов вслух.

– Я же говорю, она была не в себе. Она заявила Арсению, что он чужой, что ему нечего делать в этом доме и что лучше бы он убирался в свой полк. Когда я вошел, она как раз говорила ему, что предпочла бы увидеть в гробу его, а не Митеньку.

– Возможно, я отстал от жизни, – заметил Сергей Васильевич бесстрастно, потирая усы, – но почему-то ее слова не кажутся мне проявлением родственной любви.

Его язвительное замечание составляло такой контраст с простецким видом самого Ломова, что Базиль воззрился на бывшего друга детства с изумлением.

– Послушай, моя жена была неправа, но надо войти в ее положение...

– Нет, – отрезал Сергей Васильевич, – не надо. Хотел бы я знать, сколько раз до того она говорила пасынку, что он чужой и что ему лучше куда-нибудь убраться, – разумеется, тогда, когда ты не мог ее слышать. – Он прищурился. – Скажи-ка мне вот что: почему ты не попытался устроить своего сына лучше? У тебя же есть связи...

– Да, но, во-первых, не все так просто...

– А во-вторых? Полагаю, твоя половина была против того, чтобы ты помогал Арсению?

– Варя вовсе не была против, – промолвил Базиль с некоторым раздражением. – Она только выразилась в том смысле, мол, на что это похоже... Арсений уже взрослый человек, сколько я буду ему протезировать?

– И ты отступил, – усмехнулся Ломов.

– Да нет же! Позже я поговорил с Арсением с глазу на глаз. Я сказал, что, если он не хочет служить в Виленском полку, мои друзья смогут выхлопотать для него хорошее место, поближе к столице. Но он отказался наотрез: мол, он сам хочет пробивать себе дорогу.

Ломов поискал взглядом человека, о котором они говорили. Арсений что-то втолковывал Оленьке, остальные же, судя по выражениям их лиц, пребывали в явном изумлении.

– Но этого не может быть! – горячился Арсений. – Я говорю вам, что видел точно такой же сон! Все, что вы только что тут описали... туман... дом, похожий на старинную усадьбу... калитка с монстром... А в доме... в доме была...

– Женщина, – прошептала Оленька, глядя на него расширившимися от страха глазами. – Я подумала, что она живая, но потом я поняла, что она мертвая... И тут я в ужасе проснулась.

– Я тоже проснулся, – кивнул Арсений. – Но мне показалось... мне показалось...

– Могу я узнать, что происходит? – Базиль решил, что настало время вмешаться.

– Оленька рассказывала нам сон, который ее напугал, – объяснила Машенька, поворачиваясь к отцу. – Представь себе наше удивление, когда Арсений заявил, что ему приснилось то же самое!

– И не только то же самое, – добавил Арсений, – но и в одну и ту же ночь! Вот что самое удивительное...

Хозяин дома был человек неглупый, немало повидавший на своем веку, но тут он с некоторым беспокойством ощутил, что весь его житейский опыт оказался бессилён, и Базиль остался без опоры, которая раньше его не подводила. Он не мог понять, как себя вести и что вообще говорить в подобном случае.

– Никогда не думала, что такое может произойти, – заметила Лиза, переводя взгляд с взволнованного Арсения на не менее взволнованную сестру.

– Уж не хотите ли вы уверить нас, что два человека могут видеть один и тот же сон? – громко спросила со своего места Елена Ивановна. – По-моему, это просто невозможно!

– Поверьте, я и сам в полном недоумении, – пробормотал молодой человек, разводя руками. – Мне действительно приснился этой ночью кошмар, и до рассвета я не мог уснуть... Но я никому не рассказывал о нем! Слово офицера!

– Арсений действительно ничего нам не говорил, – заметила Варвара Дмитриевна своим высоким неприятным голосом. – Правда, Базиль?

Хозяин дома растерянно подтвердил, что слышит о сне впервые.

– Странно, – заметил Павел Иванович, ни к кому конкретно не обращаясь. – Очень странно!

– Ларион, а что говорит по этому поводу наука? – спросил кто-то из близнецов.

– В самом деле! – поддержал его брат.

– Вы меня спрашиваете? – изумился молодой человек. – Но... господа, право, я не знаю...

– Вы нас разыгрываете, – решительно объявила Наталья Андреевна, обращаясь к Арсению, но главным образом все же к дочери. Оленька покраснела.

– Мама! Как ты можешь так думать?

– В самом деле, нехорошо подозревать без доказательств, – вмешался Кирилл Степанович. Он повернулся к дочери. – Ты сегодня была такая нервная, потому что увидела ночью этот глупый сон?

– Он вовсе не глупый, – призналась Оленька, ежась. – Он... он был очень страшный. Я то ли плыла, то ли шла сквозь туман... А он был...

– Как молоко, – подал голос Арсений. – Очень плотный. Потом я понял, что нахожусь возле заброшенной усадьбы. Ну, вы понимаете, как это бывает во сне... ты перемещаешься очень быстро. Передо мной возникла калитка. Железная, с прутьями...

– А на калитке был изображен монстр, – подхватила Оленька. – Может быть, он даже был живой – не знаю. Я быстро пробежала в сад...

– Что за монстр? – спросили близнецы хором. Но почему-то никто даже не улыбнулся.

Оленька стала руками чертить в воздухе непонятные фигуры.

– Вот такой... Страшный! С пастью... И из пасти торчал язык.

Павел Иванович хотел саркастически улыбнуться, но девушка говорила так серьезно, что он, заразившись всеобщим настроением, поежился. Его жена, которая за весь ужин не проронила и десятка фраз, смотрела на говорящую во все глаза.

– Во сне я испытал облегчение, что мне удалось уйти от монстра и не попасться, – сказал Арсений. – И я переместился в дом.

– Он не походил ни на один из тех домов, которые я знаю, – сказала Оленька.

Арсений кивнул.

– Да. Это был совершенно незнакомый дом. Во сне я решил, что он пуст. А потом я увидел мертвую женщину. Мне показалось, что на ней что-то вроде подвенечного платья, но тут я не вполне уверен...

– Она лежала на полу, – прошептала Оленька дрожащими губами. – Я хотела увидеть ее лицо, но тут мне стало так страшно, что я проснулась... И потом уже не смогла уснуть.

Со своего места Ломов видел бледное, напряженное лицо тетушки. Она сидела очень прямо, стиснув руки и вся обратившись в слух. Ему хотелось сказать что-нибудь веское, чтобы успокоить ее, но он, что с ним бывало крайне редко, находился в затруднении, хоть и не показывал виду.

– Дети, – промолвила Елена Ивановна своим сочным голосом, который, однако, чуть-чуть подрагивал, – не обижайтесь, но мне кажется, что на ночь вы начитались каких-нибудь страшных сказок.

– Я читал Фета⁷, – решительно ответил молодой человек. – Поверьте мне, там не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на мой... на наш сон.

Он поглядел на Оленьку, и она ответила ему благодарным взглядом.

– А вы, Ольга Кирилловна, что читали вечером? – спросил Ларион.

– Я не читала, – отозвалась девушка. – Я писала письмо Лике Чижовой, она сейчас в Ницце. Самое обычное письмо... там не было ничего, кроме новостей о наших общих знакомых.

Павел Иванович встряхнулся. Он был человек практического типа и не доверял мистике.

– Лучше бы вы, молодые люди, увидели во сне клад, – сказал он, изобразив на лице улыбку. – Читал я какую-то историю... в журнале, что ли? – как кто-то увидел во сне, где спрятан клад, и потом нашел это место. А у вас какие-то туманы... женщины мертвые... Как будто в Петербурге мало туманов!

– Нет, ну все же... – заговорила Елена Ивановна, не желая просто так сдавать свои позиции. – Лично я никогда не слышала, чтобы два человека видели один и тот же сон. В романах, кажется, такие вещи бывают, но мы же все прекрасно знаем, что романы – выдумка от первого до последнего слова и верить им нельзя.

– Сударыня, – начал Арсений, хмурясь, – если вы намекаете на то, что я лгу...

– Нет, Арсений Васильевич, я ничего такого не имею в виду, – ответила его собеседница. – Я думаю вот о чем: если вам с Оленькой приснился один и тот же сон, это ведь неспроста? Что-то ведь это должно значить, – прибавила она задумчиво. – Вот что я хотела сказать.

⁷ Афанасий Фет (1820–1892) – выдающийся русский поэт.

Разговор распался на череду бессвязных восклицаний. Все были смущены и озадачены случившимся, но никто не хотел признаться, что не знает, что и думать. В ход пошли самые фантастические объяснения, и в обсуждении то и дело вспыхивали, как искры, слова из лексикона провидцев и шарлатанов: «неизведанное», «психические связи», «ясновидение». Покачав головой, Базиль повернулся к Ломову.

– Вот, не угодно ли: теперь, стало быть, сны. А у меня душа не на месте. Я чувствую, что меня не в чем упрекнуть, и все же...

Так говорят, когда как раз есть в чем себя винить, мелькнуло в голове у Сергея Васильевича. Невинные не оправдываются – хотя бы потому, что не знают за собой никакой вины.

– Все же, Сережа, я волнуюсь, – продолжал Базиль. – Я боюсь, что в следующий раз он поссорится с кем-нибудь и его убьют на дуэли. Я больше не хочу терять своих детей, – прибавил он изменившимся голосом.

– Не понимаю, к чему тебе мои советы, – буркнул Сергей Васильевич, пожимая плечами. – Ты ведь и сам знаешь, что надо сделать. Пусть он выйдет в отставку, пусть поселится в Петербурге. Назначь ему разумное содержание, чтобы хватило на квартиру, еду и его любезные книги. Мать оставила ему что-нибудь в наследство?

– Немного. Будь она богатой невестой, генерал не согласился бы на наш брак.

– Но у тебя же водятся деньги, – сказал Ломов с омерзительной военной прямоотой. – Черт возьми, зачем мучить парня? Если он не может находиться в армии, пусть уходит отсюда. Я уж не говорю о том, что с твоими связями ты мог бы подыскать ему какое-нибудь место, чтобы он сам зарабатывал себе на жизнь.

– К сожалению, – медленно проговорил Базиль, – не все так просто. Да, не все так просто...

Похоже, хозяин дома прятался за этим выражением всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с какими-нибудь проблемами. Сергей Васильевич ощутил глухое раздражение, но тут то ли шестое, то ли сто шестое чувство заставило его повернуть голову. Перед ним стояла Варвара Дмитриевна, обмахиваясь веером, и глядела на него огненным взором королевы, на власть которой покусился уличный оборванец. «Вот чертова кукла! – с досадой подумал Ломов. – Уверен, во всем доме только она и злоумышляет против пасынка. Зря Базиль женился на деньгах – теперь его сыну придется всю жизнь за них расплачиваться».

– Мне показалось, Базиль, что вы обсуждаете что-то интересное, – сказала она с улыбкой, от которой могли завянуть цветы. – Разрешите к вам присоединиться?

– Детские воспоминания, – солгал Базиль, и по легкости, с которой он произнес эти слова, Ломов понял, что его собеседник привык врать жене и научился делать это виртуозно. – Золотое детство... мы были так дружны!

– Наверное, Базиль доставлял тогда много хлопот? – осведомилась Варвара Дмитриевна на редкость двусмысленным тоном.

– О, что вы, сударыня! – отозвался Ломов, сопроводив свои слова сердечнейшей улыбкой. – Абсолютно никаких!

Впрочем, человек, который всегда – и в детстве тоже – умел за себя постоять, имел полное право так говорить.

Когда Сергей Васильевич и его тетушка возвращались от Истриных в наемном экипаже, Евдокия Петровна, не удержавшись, спросила:

– Ты ведь тоже думаешь о них, верно?

– О ком? – буркнул Сергей Васильевич.

– Об Арсении и Оленьке. Почему они видели один и тот же сон?

– Тетушка, перестаньте, – проворчал Ломов с досадой. – Девушка начала рассказывать свой сон, а он объявил, что видел то же самое, чтобы она обратила на него внимание.

– Нет. – Евдокия Петровна покачала головой. – Может быть, я и стара, но кое в чем я все же разбираюсь. Оленька мила, но, по-моему, недостаточно мила, чтобы привлекать мужчин. Во всяком случае, Арсения она совершенно не интересовала. На вечере он даже не смотрел в ее сторону, он больше говорил с сестрой, Лизой и близнецами Шаниными. И он был совершенно искренен, когда уверял, что видел тот же сон, что и Оленька.

Ломов нахмурился. Он давно состоял в Особой службе и считал, что умеет распознать, когда человек говорит правду, а когда врет. Арсений не лгал, но Сергей Васильевич поймал себя на мысли, что лучше бы молодой человек лгал. Ломов не любил загадок, которые не мог разрешить.

– Приехали, тетушка, – сказал он вслух. – Вот ваша гостиница. Надеюсь, вы все же провели приятный вечер?

Глава 4

Туше

Клинки со звоном скрестились, выбив голубоватые искры. В следующее мгновение Ломов выбил шпагу у своего соперника и приставил острие к его горлу.

– Поздравляю, – промолвил Сергей Васильевич сухо, – вы труп.

Противник Ломова, – вернее, противница, потому что это была очаровательная молодая блондинка с золотисто-кариими глазами, – с укоризной поглядела на него и пальцем отклонила от себя лезвие. Как и у всех учебных шпаг, острие этой было для предосторожности снабжено специальной насадкой, чтобы не ранить соперника.

– Не понимаю, – сказала баронесса Амалия Корф (потому что это была именно она).

– А что тут понимать? – пожал плечами Ломов, убирая шпагу. – Вы труп, вот и все.

– Два часа, – уронила Амалия, глядя на настенные часы. – И тем не менее я не понимаю, Сергей Васильевич. Позавчера за тот же промежуток времени вы убили меня 26 раз.

– О, – протянул заинтригованный Ломов. – Так вы еще и считаете?

– Разумеется, – кивнула Амалия. – Сегодня, милостивый государь, вы убили меня всего 18 раз, и вдобавок один раз я едва вас не достала. Конечно, – продолжала баронесса, стягивая перчатки, – я была бы счастлива сказать, что за короткий срок сумела сделать поразительные успехи, но в том-то и дело, что ничего подобного.

Она отошла к своей шпаге, которую выбил ее соперник, подняла оружие с пола и положила его вместе с перчатками на стоявший в углу зала стол. Свою шпагу Ломов убрал в ножны и повесил их на вешалку.

– Вы быстро учитесь, – сказал Сергей Васильевич, насупившись.

– Боюсь, что не всегда, – отозвалась Амалия своим мелодичным негромким голосом. Она повернулась к собеседнику, и хотя лицо ее хранило доброжелательное выражение, Ломов не сомневался, что баронесса внимательно следит за ним, пытаясь проникнуть в самую глубь его мыслей. – И дело вообще не во мне, а в вас. Что происходит, Сергей Васильевич?

– Ничего.

– А все-таки?

Ломов молчал. Амалия сделала попытку зайти с другой стороны.

– То, о чем я говорю, имеет отношение к нашей работе?

– Этого еще не хватало! – возмутился Сергей Васильевич.

– Тогда в чем дело? Я не могу сказать, что вы рассеянны, но вы... Вы все же недостаточно собраны. Вас как будто что-то гложет.

– Попрошу вас не употреблять таких слов, – сердито промолвил Ломов. – Мы не в романе.

– Как вам будет угодно, – отозвалась Амалия. – Но, мне кажется, я имею право знать, что именно происходит.

– Абсолютно ничего не происходит, – пробурчал Ломов, досадуя на то, что позволил загадочному совпадению снов повлиять на себя, и Амалия сразу же заметила, что что-то не так.

Но баронесса Корф видела, что он колеблется, и стала терпеливо ждать. Сергей Васильевич меж тем размышлял, может ли он довериться своей собеседнице. С одной стороны, ничто не обязывало его хранить тайну; с другой – он подозревал, что история, которую он собирался рассказать, может выставить его самого не в самом выгодном свете. А Сергей Васильевич был не лишен самолюбия, хоть и тщательно это скрывал.

– Полагаю, – промолвил он наконец, – я могу рассчитывать, что все, что я расскажу, останется между нами?

– Вы могли и не спрашивать, – заметила Амалия.

– А вы могли просто ответить утвердительно, – парировал Ломов.

Он был почти уверен, что его собеседница рассердится и сверкнет на него глазами, которые от гнева станут почти золотыми, но, к его удивлению, она только улыбнулась.

– Правильно, – одобрил Сергей Васильевич. – Никогда не злитесь, если вас хотят разозлить, потому что неизвестно, как ваши эмоции попытаются использовать... Честно говоря, я даже не знаю, с чего начать. История совершенно меня не касается, никоим образом, и тем не менее... Скажите, сударыня, что вы думаете о снах?

– О снах? – озадаченно переспросила Амалия.

– Именно так.

– Думаю, – проговорила баронесса Корф с расстановкой, – ни один предмет на свете не вызывает столько споров.

– И все же, какова ваша точка зрения?

– Она непопулярна, – усмехнулась Амалия. – Лично я полагаю, что в снах нет ничего мистического, ничего такого... Это просто побочный продукт деятельности мозга.

– В самом деле?

– Да. Когда вы бодрствуете, мозг все время получает разные сведения: то, что вы видите, думаете, чувствуете. Когда вы засыпаете, мозг продолжает свою работу, но, если можно так выразиться, в хаотическом режиме. Он вытаскивает из памяти какие-то впечатления, которые там остались, и показывает их в произвольном порядке. Соответственно, большая часть снов фантастична, и те сны, которые люди успевают запомнить перед пробуждением, нередко кажутся им чем-то необыкновенным.

Ломов вздохнул.

– Я рассказываю вам лишь одну из теорий, – добавила Амалия. – Потому что, по правде говоря, исследовать истинную природу снов невозможно. Ученые высказывают догадки, а шарлатаны...

– Два человека могут видеть один и тот же сон в одно и то же время? – Сергей Васильевич решил пойти напролом.

Амалия поглядела на него с удивлением.

– Если считать, что сны строятся из фрагментов впечатлений конкретной личности... Полагаю, что все же нет или такая возможность ничтожно мала. Могу ли я узнать...

– Да, наверное, будет лучше, если я все вам расскажу, – решил Ломов.

И он поведал Амалии о том, что произошло на вечере у Базиля, опустив лишь некоторые подробности, которые, на его взгляд, не имели к делу отношения.

– Поразительно, – уронила баронесса Корф, когда Сергей Васильевич закончил.

– Не то слово, – отозвался Ломов иронически. Однако в глубине души ему не терпелось узнать мнение своей собеседницы.

– Теперь я понимаю, почему вы были сбиты с толку, – заметила Амалия. – Я, наверное, тоже бы ломала голову над этим случаем. А между тем...

Она задумалась, рассеянно глядя на солнечные лучи, проходящие сквозь пыльное стекло и золотыми пятнами ложающиеся на пол.

– Что ж, попробуем взглянуть на ситуацию с точки зрения здравого смысла, – решила Амалия. – Как насчет сговора?

Ломов нахмурился.

– Сговора? Но зачем?

– Не знаю. Чтобы привлечь к себе внимание, произвести на кого-нибудь впечатление, например.

– Не было там никакого сговора, – с раздражением промолвил Сергей Васильевич. – Арсений почти не общался с Оленькой Левашовой. И по правде говоря, она совершенно его не интересовала.

– Жаль, потому что это сводит на нет мою версию номер два – что молодой человек придумал, будто бы видел такой же сон, чтобы привлечь к себе внимание девушки.

– Для выдумщика он выглядел слишком уж убедительно, – проворчал Ломов, не став уточнять, что уже выдвигал похожую версию в беседе с тетушкой. – По-моему, он не врал... что, честно говоря, осложняет дело. Он и в самом деле видел такой же сон, как и она.

– Ну тогда все совсем просто, – протянула Амалия, и ее глаза зажглись золотом. – Никакого совпадения снов вообще не было. То есть, – продолжала она, усмехаясь, – молодому человеку и в самом деле приснилось ночью нечто неприятное. Вы и сами знаете, как порой бывает: просыпаешься, чувствуешь, что тебе привиделся какой-то жуткий кошмар, но в памяти почти ничего не осталось. И когда Оленька стала рассказывать о том, что ей приснилось, молодому человеку показалось, что он ухватил кусочек того самого сна, смутное воспоминание о котором его мучило.

– Ах вот оно что! – воскликнул Ломов. – Так, так, я понимаю, в чем дело...

– Ему очень хотелось вспомнить свой сон, и он решил, что вспомнил его, когда Оленька заговорила о своем собственном кошмаре. Что там было? Туман, усадьба, калитка с монстром, мертвец... ничего оригинального, по правде говоря. Если речь идет о человеке впечатлительном, он вполне мог убедить себя, что видел тот же самый сон, вот в чем фокус! А на самом деле ему приснился совершенно другой сон, но в нем, например, тоже фигурировали туман и усадьба, которые он смутно запомнил. И когда Оленька начала говорить о тумане и усадьбе в ее сне, Арсений готов был поверить, что остальное тоже совпадает. Когда он говорил, что видел тот же самый сон, он не лгал, по крайней мере осознанно. Он просто убедил себя, что видел именно его.

Сергей Васильевич немного подумал.

– Пожалуй, я бы сказал, что это вполне в его духе, – проворчал он. – То есть ничего из того, что я о нем знаю, не противоречит вашей версии.

По правде говоря, Ломов испытывал облегчение от того, что Амалия смогла вполне убедительно разрешить мучившую его загадку – и в то же время ему было немного досадно, что он не смог сам додуматься до такого просто объяснения. Конечно, Арсений Истрин – обыкновенный неврастеник, вот он и навоображал себе невесть что.

– Могу ли я узнать, Сергей Васильевич, – негромко начала Амалия, – почему вас вообще заинтересовал этот случай?

– А вас бы не заинтересовало, если бы в вашем присутствии обсуждали сны и вдруг выяснилось, что два человека видели одинаковый сон в одно и то же время?

Амалия задумчиво прищурилась, и, увидев, как она улыбается, Ломов мысленно чертыхнулся и приготовился к худшему.

– Боюсь, что нет, – промолвила баронесса, тщательно подбирая слова. – То есть, возможно, я бы заинтересовалась... Но не настолько, чтобы данный факт оказал на меня влияние. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Я все прекрасно понял, сударыня, – отозвался ее собеседник, отвесив Амалии глубокий поклон. – Учту и приму к сведению.

Но баронесса Корф не обратила никакого внимания на его жалкую попытку подвести под разговором черту.

– Полно вам, Сергей Васильевич, – сказала она. – Выкладываете.

– Что выкладывать? – спросил Ломов с невинным видом.

– Вам лучше знать, но полагаю, это как-то связано со снами. Вы слишком большой профессионал, Сергей Васильевич, чтобы описанный вами случай мог взволновать вас сам по себе. Думаю, до него было что-то еще. Я права?

Тут Ломову захотелось чертыхнуться уже вслух, но колоссальным усилием воли он сдержался. Он был так рассержен, что даже не обратил внимания на комплимент его профессионализму.

– Терпеть не могу мистическую дребедень, – выпалил он. – Ладно, ваша взяла. Когда я служил в полку, два офицера поссорились и решили стреляться. Вскоре один из офицеров стал жаловаться на то, что ему снятся кошмары и его не оставляет предчувствие, что он не жилец на белом свете. Ему верили, потому что было известно, что его противник стреляет без промаха, так что шансы того офицера были невелики. – Ломов поморщился. – Нет, тот, о ком я говорю, тоже умел стрелять, но ему было далеко до своего соперника. В общем, дуэль состоялась, и офицер, который жаловался на сны, выстрелил первым. Его противник был убит наповал. Вот, собственно, и вся история.

– Понимаю, – протянула Амалия. – Никаких снов не было. Он придумал их только для того, чтобы противник счел, что все уже predetermined, и расслабился. Чуть-чуть, но на дуэли этого оказалось вполне достаточно. А пока все толковали о его снах, ваш знакомый, вероятно, ходил в тир и упражнялся в стрельбе. Верно?

– Вы чертовски проникательны, – вздохнул Ломов. – Да, мы все поверили ему, как последние остолопы. И он действительно проводил в тире целые дни перед дуэлью. Эта история, госпожа баронесса, показала мне, как опасно верить в мистику и прочую чушь. Поэтому, когда вчера я услышал, что два человека видели один и тот же сон, у меня возникло ощущение, что меня опять каким-то образом хотят надуть.

– Нет, нет, Сергей Васильевич. Просто молодой человек оказался излишне впечатлителен.

– Полагаю, что так. Надеюсь, вы немного отдохнули, госпожа баронесса? – Ломов извлек из ножен шпагу. – Потому что сегодня я должен убить вас еще 8 раз.

– Ну, нет! – возмутилась Амалия.

– Не нет, а да. Нам поручено задание, которое во много раз сложнее тех, к которым вы привыкли. Учитывая все обстоятельства, нам сильно повезет, если мы оба вернемся домой. Поэтому я обязан сделать все, чтобы подготовить вас наилучшим образом... и не думайте мне возражать!

И он махнул шпагой, лезвие которой со свистом рассекло воздух. Амалия тяжело вздохнула и принялась натягивать перчатки.

Глава 5

Чердак

– Нет, нет, – сказала Лиза. – Ни к чему брать другую пьесу. «Женитьба» мне нравится, и вообще это такая вещь, которую можно играть где угодно. Конечно, не нужно ставить ее целиком, – продолжала девушка, вертясь перед зеркалом, – я думаю, достаточно сцен Агафьи с теткой и свахой и, может быть, эпизода с Подколесиным.

Оленька вздохнула. Через несколько дней Левашовы устраивали у себя вечер, и Лиза решила, что представление отрывков из пьесы только его украсит. Оленька знала, что сестра предназначает для себя главную роль, но все же отважилась спросить:

– А кто сыграет Агафью, ты?

– Конечно. Маша будет свахой, а ты – теткой.

– Я не хочу быть теткой, – упрямо проговорила Оленька, и ее губы дрогнули. – Я хочу быть Агафьей Тихоновной.

– Ты не можешь быть Агафьей Тихоновной, – сказала Лиза с неудовольствием, и в ее голосе прорезались неприятные металлические нотки.

– Почему не могу?

– Потому что, – ответила Лиза, отворачиваясь от зеркала. – Но если захочешь выдумать какой-нибудь глупый сон, я не стану тебе мешать, – добавила она со смешком.

– Я ничего не выдумывала! – вскинулась Оленька.

– Какая ты смешная, – вздохнула старшая сестра. Она открыла гардероб, достала несколько платьев и стала прикладывать к себе перед зеркалом, поворачиваясь то так, то эдак.

– А ты злая, – мрачно сказала Оленька, грызя ногти, что у нее всегда являлось признаком сильного волнения. – И зеленый цвет тебе не идет, – добавила она мстительно, имея в виду платье, которое Лиза сейчас разглядывала.

Горничная Соня доложила, что приехала Мария Васильевна Истрина, и Оленька, забыв обо всем, устремилась в гостиную, к подруге.

– Странно, иногда назовешь человека полным именем – и это сразу же как-то его старит, – рассеянно заметила Лиза. – Что за секреты у Машеньки с моей любезной сестер?

Соня озадаченно заморгала. Она была некрасивая, ширококостная, с волосами и ресницами пепельного оттенка. Соня служила у Левашовых уже год, но так и не смогла до конца привыкнуть к манерам некоторых членов семьи.

– Я не знаю, Елизавета Кирилловна... Они мне не говорят.

– И зеленый мне не к лицу? – совершенно нелогично осведомилась Лиза.

– Вам все к лицу, барышня, – пробормотала Соня.

– Полвека назад одевались не так, как сегодня, – вздохнула девушка, бросая платья на кровать. – Прибери здесь все.

Она поправила прическу и, выйдя из спальни, направилась в гостиную, но вошла не сразу, а остановилась у дверей таким образом, чтобы слышать разговор сестры с гостьей.

– Лиза не верит, что я видела сон, – сказала Оленька.

– Какая разница, верит она или нет, – отозвалась Машенька. Она дружила с младшей сестрой и недолюбливала старшую, которая всегда затмевала ее саму. – Брат все утро говорил о тебе. Ты и впрямь его заинтриговала! А на Лизу внимания не обращай. Мало ли что она говорит...

– Она хочет, чтобы ты играла Фёклу, – наябедничала Оленька.

– Кого?

– Сваху в «Женитьбе».

– А сама сыграет невесту? Для кого она старается – для Володи или для Коли?

Оленька смутилась.

– Ну уж точно не для Лариона, – сказала она наконец. – И почему я должна играть тетку? Я не хочу быть теткой!

– Не хочешь, значит, не будешь, – объявила Лиза, входя в гостиную. – Попрошу Соню.

– А она сможет? – с сомнением протянула Машенька.

Лиза пожала плечами, словно желая сказать, что в ее присутствии всякий сумеет справиться с ролью, и, сев на диван, спросила, когда брат гостя возвращается в свой полк.

– Н-не знаю, – неуверенно ответила Машенька. – Кажется... то есть я так думаю... он вообще не хочет туда возвращаться.

Оленька затрепетала. Зная свою сестру, она не сомневалась, что та строго осудит нежелание Арсения оставаться в армии; но ее ждал сюрприз.

– Может быть, он и прав, – сказала Лиза, подумав. – Служить, чтобы в конце концов превратиться в кого-то вроде того глупого военного, который был у вас на вечере... как бишь его?

– Дымов, нет, Ломов, – поправились Машенька. – Папа сказал, что они знакомы с детства, но я его раньше у нас не видела.

В Оленьке заговорил дух противоречия. Она открыла рот, чтобы сказать, что Ломов казался ей вовсе не глупым и что взгляд, которым он осматривал гостей, был слишком цепким и изучающим для человека неумного; но тут в гостиной появились новые лица: сначала Ларион Маслов, как всегда оживленный сверх меры, а затем Арсений в штатском. Среди знакомых Ларион слыл безобидным чудачком, хоть и склонным ко всяким преувеличениям и фантазиям, и в тот день он не изменял себе. Перво-наперво он рассказал историю о знакомом студенте, который унаследовал от дальнего родственника восемьдесят тысяч капитала, но в ходе расспросов выяснилось, что на самом деле наследство состоит лишь в заложенном и перезаложенном имении, которое приносит больше хлопот, чем пользы. Во второй фантазии фигурировала прекрасная дама, которая ехала в открытой коляске и попала ему на глаза возле Аничкова дворца. Пылкий Ларион охарактеризовал этот чистейшей прелести чистейший образец такими эпитетами, что все усомнились в том, что описанная им дама существует в действительности, а не пригрезилась ему среди толчеи и сутолоки Невского проспекта.

– Мы будем ставить «Женитьбу», – сказала Лиза, чтобы вернуть студента с небес на землю. – Ларион, вы сыграете Подколесина?

Арсений отвернулся, пряча улыбку. Трудно было вообразить людей более далеких, чем молодой фантазер и нерешительный герой Гоголя; но Ларион слишком любил семью Левашовых и не заметил подвоха.

– Я сыграю кого хотите! – торжественно объявил он.

– Оле я предложила роль тетки, – продолжала Лиза, – но она не хочет.

– Я передумала, – вмешалась Оленька, бросив быстрый взгляд на молодого офицера. – Я буду играть.

– Ты же говорила, что не хочешь! – притворно удивилась Лиза.

– Нет, я хочу.

– Играть тетку, которая только и делает, что учит жизни? Она же скучная! И старая.

– Ну и пусть!

Разговор прервался, потому что Соня доложила о приходе близнецов. С недавних пор Володя и Коля решили, что им непременно нужно в кого-нибудь влюбиться, и в качестве предмета обожания выбрали Лизу. Близнецы были русоволосые, худощавые, с едва намечающимися усиками и нередко заканчивали фразы друг за друга. Они ужасно старались казаться взрослыми и рассудительными, но по их манерам чувствовалось, что это еще дети, дурашливые и беспечные, и жизнь хорошенько за них не принималась.

– Мороз и солнце, – сказал Володя.

– День чудесный, – подхватил Коля.

Присутствующие заулыбались. (Снаружи было примерно 26 градусов тепла.)

– Ну какой мороз, господа, – протянула Лиза, кокетничая. – Полно вам!

– Столичный, – ответил Володя, забавляясь.

– Петербургский, – добавил Коля.

Тема погоды была исчерпана, и близнецы ринулись в атаку на Арсения.

– Как поживает ваше благородие? – спросил Коля.

– Видели еще какие-нибудь сны? – поинтересовался Володя невинным тоном.

Арсений сразу же перестал улыбаться. От природы он был чрезвычайно чувствителен, и хотя это качество позволяло ему безошибочно выделять хорошие стихи среди массы посредственных, в обычной жизни ему приходилось несладко, потому что любая колкость причиняла его самолюбию рану, сравнимую с той, которую наносит лишь прямое оскорбление.

– Вы изволите на что-то намекать, милостивый государь? – спросил он холодно, дернув щекой. – Тогда объяснитесь прямо.

– Мы ничего такого не имели в виду, Арсений Васильевич, – сказал Володя спокойно. – Просто ваше выступление на вчерашнем вечере... оно, честно говоря, произвело впечатление.

– Неизгладимое! – добавил Коля.

Близнецы чувствовали, что большинство присутствующих не видит в их поведении ничего особенного, в то время как нервозность молодого офицера делает его смешным. Оленька сердито нахмурилась.

– Можете и надо мной посмеяться, господа, – сказала она тоненьким, почти детским голосом. – Я ведь тоже видела тот сон.

Братья тотчас рассыпались в извинениях и объявили, что ничего такого у них и в мыслях не было; но Арсений почувствовал, что день испорчен и что ему больше не хочется находиться здесь, не хочется говорить с девушкой, которая видела тот же сон, что и он. Он отвернулся и стал мрачно смотреть в окно. Ларион меж тем спросил, не отменяется ли завтрашняя поездка в Петергоф, на что Лиза ответила, что собирается репетировать «Женитьбу» и что, наверное, путешествие придется отложить.

– Я думала, что Ларион может быть Подколесиным, – сказала она, нежно улыбаясь, – но теперь меня что-то охватили сомнения. Как вы думаете, господа?

Оправившись от изумления, Ларион стал клясться, что Подколесин его любимый персонаж, без которого он не мыслит своей жизни. Машенька предложила включить сцены со всеми женихами, но Лиза возразила, что тогда не хватит артистов: четыре жениха и Кочкарев – уже пятеро, а среди них только четверо мужчин.

– На меня не рассчитывайте, – сказал Арсений, хмурясь, – я могу быть только зрителем.

– Вам не нравится «Женитьба»? – спросила Оленька с удивлением.

– Почему же, нравится, и даже очень. Но какой из меня актер?

– Балтазар Балтазарович Жевакин, – пробормотал Володя. – Бывалый моряк.

– Роль прямо для вас, – поддержал его Коля.

– Я в пехоте, – отозвался Арсений и тотчас же об этом пожалел.

– Тогда уж Никанор Иванович Анучкин, – сказал Володя. – Человек деликатный, хоть и отставной пехотный офицер.

– Малина, совсем малина!⁸ – вставил Коля, ухмыляясь.

Он ухитрился произнести эти слова таким тоном, что Арсению неодолимо захотелось вlepить говорящему пощечину, чтобы стереть с румяного нагловатого лица собеседника усмешку; но, по счастью, вмешалась Машенька.

⁸ Цитата из «Женитьбы» (действие 1, явление 13).

– Господа, Лиза ведь уже сказала, что сцен с женихами не будет. Нам нужны только Кочкарев и Подколесин.

В конце концов Володю определили на роль Кочкарева, а его брата назначили Подколесным. Машенька поинтересовалась, как исполнителям быть с костюмами. Лиза звонком вызвала Соню и попросила ее узнать у Натальи Андреевны, что стало с гардеробом бабушки, которой когда-то принадлежал особняк. Вернувшись, Соня сообщила, что старые платья покойной бабушки были убраны в сундуки и сосланы на чердак.

– Помню, когда я была маленькая, она показывала мне свои платья, и некоторые были очень красивые, – сказала Лиза.

– Думаешь, ее наряды пригодятся нам для постановки? – спросила Оленька. Она все еще переживала, что ей предстоит играть скучную тетку-резонершу, на которую зрители вряд ли обратят внимание.

– Сначала надо посмотреть, в каком состоянии платья, – заметила Лиза.

Ларион не утерпел и влез с очередной фантастической историей о богатой даме, у которой было столько платьев, что они занимали половину дома, а потом вспыхнул пожар, и она...

– Выпрыгнула в окно, – сымпровизировал Коля.

– Без ничего, – добавил Володя.

– О! – сказали хором Оленька и Машенька.

– Вообще-то, – сказал студент, поправляя очки, – она пыталась спасти свои платья, но у нее ничего не вышло, и она сгорела вместе с ними.

– Какие ужасы вы рассказываете, Ларион, – вздохнула Лиза.

– Лучше бы она выпрыгнула в окно, – не удержался Володя.

Присутствующие самым бессердечным образом расхохотались, и даже Арсений заулыбался, забыв недавнюю обиду. Ларион надулся, но так как он был человек, легко поддающийся общему настрою, через несколько секунд он уже смеялся громче всех.

Вечером, когда гости разошлись, Лиза вызвала Соню и еще одного лакея и направилась на чердак. Через несколько минут туда поднялась и Оленька.

Несколько больших сундуков были отодвинуты от стены и распахнуты. То и дело чихая, Лиза вынимала очередной наряд, критически оглядывала его и откладывала в сторону.

– Что-нибудь нашла? – не утерпела Оленька.

– Соболиный салоп, погрызенный мышами, – ответила Лиза. – Зато дедушкин вицмундир даже моль не посмела тронуть. – Она чихнула. – Я откопала шаль для свахи, Машеньке пойдет.

– А платья?

– Они все в плохом состоянии, к тому же видно, что их перешивали по несколько раз. – Лиза снова чихнула и наклонилась, вынимая со дна сундука очередной наряд. – Соня, посветика... – Горничная подошла ближе и подняла лампу, которую держала в руке. – А вот это миленькое платье. Смотри-ка, его даже не перешивали... И желтенькое! Желтый мне идет...

Платье было хоть и старомодное, но такое красивое, что сердце Оленьки мягко подпрыгнуло в груди.

– А для меня ничего нет? – спросила она, стараясь говорить как можно небрежнее.

– Можешь сама посмотреть, – отозвалась Лиза. – Что-то я устала рыться в этих сундуках. – И она опять чихнула.

Лиза удалилась, унося с собой наряд для роли Агафьи Тихоновны и шаль для свахи. Оленька залезла в сундук, но в нем уже ничего не оставалось, кроме старого корсета и того, что сначала показалось девушке почти невесомой тряпочкой, сильно пожелтевшей от времени. Приглядевшись, Оленька поняла, что держит в руках свадебную фату.

Глава 6

Предчувствия

– Лиза! Лиза, это я, Оля!

От волнения не рассчитав сил, она стукнула костяшками пальцев по двери так сильно, что они заныли.

– Лиза! Ай-й...

– Ну что ты кричишь, – отозвалась Лиза из-за двери. – Входи.

Держа в левой руке фату, а правой трясая в воздухе, чтобы утихомирить боль, Оленька влетела в спальню сестры.

– На тебе лица нет, – сказала Лиза. – Что случилось?

– Я нашла фату. – Оленька перевела дыхание. – Она лежала внизу, на самом дне. Платье... понимаешь, платье, которое ты забрала, – оно подвенечное.

Лиза молчала.

– Оно не желтое, – поторопилась объяснить Оленька. – Оно белое, пожелтевшее от времени. Подвенечное платье! – Она готова была расплакаться, видя непонимающее выражение на лице Лизы. – Помнишь, что было во сне?

– А-а, – протянула Лиза. – Мертвая женщина в подвенечном платье. Да, помню.

Оленька перевела дыхание.

– Лиза... Лиза, тебе лучше его не надевать. Я не суеверная, но... Понимаешь... Все-таки...

Ей не хватало слов, чтобы выразить, как она беспокоится за старшую сестру. Оленька запнулась.

– Ай-ай-ай, – сказала Лиза, укоризненно качая головой. – Как нехорошо. Как мелко!

– Мелко? – Оленька вытаращила глаза. – Лиза, ты о чем?

– Ты хочешь отобрать у меня платье, потому что знаешь, какой оно произведет эффект, – объяснила Лиза, глядя на нее с иронией. – Поэтому ты ссылаешься на сон, которого не было.

– Лиза!

– Врунишка, – сказала Лиза обидным тоном, тем самым невыносимым тоном, который старшие сестры словно нарочно припасают для младших и провинившихся. – Оля, я же вижу насквозь твои хитрости. Это даже не смешно!

У Оленьки задрожали губы. Она подошла к двери и остановилась.

– У меня и в мыслях не было просить платье для себя, – выдохнула она. – Я просто не хотела, чтобы ты его надевала. Только и всего.

Она вышла быстрым шагом, боясь расплакаться, и возле лестницы едва не столкнулась с матерью.

– Ты чуть не сбила меня с ног, – сказала Наталья Андреевна недовольно. – В твоём возрасте... – Но тут она заметила выражение лица дочери и оборвала нотацию на полуслове. – Что случилось, мой ангел? И что это за тряпка у тебя в руках?

– Бабушкина фата, – ответила Оленька. И, так как держать все в себе было выше ее сил, она обрушила на мать бессвязный поток слов о «Женитьбе», подвенечном платье, которое нашла Лиза, и сне, который предвещал недоброе.

– А она меня не слушает! Мама, она мне совсем не верит! Она думает, я хочу отнять у нее это глупое платье... Да я и за все сокровища мира к нему не притронусь!

Наталья Андреевна находилась в затруднении. Она считала, что происходящее не стоит выведенного яйца, но ее тревожило, что дочь приняла все так близко к сердцу.

– Ну, ну, Оленька, не стоит волноваться, – пробормотала мать, похлопав дочь по руке. – Ты вбила себе в голову бог весть что – совсем как Ларион, когда он отстаивает свои бредни...

– Мама! – вспыхнула Оленька.

– Нет, погоди, дай мне сказать. Я сейчас же пойду к Лизе и попрошу ее убрать это злощастное платье, чтобы ты успокоилась. – Оленька хлюпнула носом, с надеждой глядя на мать. – Но ты должна мне пообещать, что будешь вести себя как взрослая и не станешь в другой раз верить всяким... всяким нелепостям. Хорошо?

В следующее мгновение Оленька бросилась матери на шею и так крепко ее обняла, что Наталья Андреевна даже немного поморщилась.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – горячо твердила девушка. – Просто... тот сон... и Арсений... а тут это платье... я ведь не сразу поняла, что оно подвенечное! И я вдруг испугалась...

Наталья Андреевна тихо вздохнула. Оленька наконец разжала руки, и мать, отступив на шаг, пытливо посмотрела ей в лицо.

– Мне, конечно, стоило бы поговорить с тобой об Арсении, – негромко промолвила мать. Оленька вздрогнула. – Но я, пожалуй, не буду. – Наталья Андреевна выдержала паузу, во время которой дочь упорно рассматривала носки своих туфель. – Я немного знала его мать, это была в высшей степени достойная женщина. К сожалению, его отец – безответственный человек.

– Он содержит любовницу, – брякнула Оленька. – Я знаю.

Наталья Андреевна открыла рот, чтобы возмутиться. Семнадцатилетняя девушка из хорошей семьи не должна говорить о таких предметах; более того, она даже думать о них не должна. Но Ломов недаром характеризовал госпожу Левашову словами «неглупая и волевая», и в данном случае эти качества ей не изменили.

– Кто тебе сказал? – только и выговорила Наталья Андреевна.

Оленька потупилась.

– Маша, – еле слышно ответила она. – Не нарочно, конечно, но... Мы просто болтали о том о сем... Она танцовщица. А до нее была какая-то англичанка. Я так поняла, что это Машина бывшая гувернантка.

У Натальи Андреевны уже голова шла кругом. Гувернантка! Танцовщица! Конечно, в их кругу увлечения Базиля вовсе не были секретом; но то, что о них знала и ее собственная дочь, неприятно поразило госпожу Левашову.

Но что же сказать, в самом деле, как сохранить лицо?

– Оленька, – начала Наталья Андреевна, – у взрослых людей...

Она посмотрела в блестящие глаза дочери, поняла, что не может лицемерить и говорить о Базиле как о совершенно приличном человеке, который имеет право на свои слабости, и решила не продолжать.

– Ладно, – вздохнула Наталья Андреевна. – Что еще Машенька тебе рассказала?

– Ничего, – храбро ответила Оленька, пряча глаза. – Ты обещала сказать Лизе, чтобы она не надевала платье.

– Хорошо, я сейчас же поговорю с ней.

Лиза сидела под лампой с книжкой в руках. Войдя, Наталья Андреевна прежде всего поискала взглядом злополучное платье и увидела, что оно брошено на спинку кресла.

– Наверное, я покажусь тебе глупой, – сказала мать, – но я хотела бы попросить тебя кое о чем.

И она объяснила Лизе, что Олю испугал недавний кошмар и она переживает за сестру. У Оленьки и в мыслях нет отбирать платье, просто сон выбил ее из колеи, и она стала придавать чрезмерное значение всяким глупостям.

– Не видела она никакого сна, – упрямо промолвила девушка, закрывая книгу. – Она нас дурачит.

Наталья Андреевна не стала терять время на споры, а лишь несколько раз в доходчивой форме повторила то, что говорила ранее: что Оленька вся извелась, что ее поведение, может быть, и глупо, но дразнить ее нехорошо и жестоко.

– Скажи ей, что она может не переживать, – сдалась Лиза. – Когда я у себя в комнате как следует рассмотрела платье при свете, я поняла, что ткань обтрепалась и выглядит бедно. Думаю, моя Агафья Тихоновна выйдет на сцену в зеленой тафте.

– Я всегда знала, что моя старшая дочь – умница, – сказала Наталья Андреевна с улыбкой. Она поцеловала Лизу в лоб и удалилась, притворив за собой дверь.

Кирилл Степанович сидел в своем кабинете и попыхивал трубкой. Жена скользнула взглядом по его благородному профилю, вспомнила, как она когда-то его любила и каких трудов ей стоило отучить его от привычки ходить налево, причинявшей ей столько страданий. Сейчас ей казалось, что она действовала не столько и не только для себя, но и для своих девочек. По крайней мере, никто не станет говорить ее дочерям, что их отец связался с какой-нибудь дурной женщиной. Она подошла к мужу и привычным движением отряхнула с воротника его халата пепел. Кирилл Степанович поймал ее руку, поцеловал ее и улыбнулся.

– Что? – спросил он.

– Так, ничего, – отозвалась жена. – Лиза искала платье, чтобы играть в сцене из Гоголя, и нашла подвенечное платье моей матери.

Но думала она вовсе не о Лизе, а о том, что ничего на самом деле не кончилось и что она по-прежнему любит своего мужа. Достаточно было Кириллу Степановичу взять ее руку и улыбнуться, и она словно перенеслась в те дни своей юности, когда...

– Оленька вообразила бог весть что, – машинально закончила Наталья Андреевна.

А впрочем, к чему оглядываться назад? Юность давно уже сменилась зрелостью, время идет, они с Кириллом тихо стареют, девочки выйдут замуж, пойдут внуки, а потом...

Самое главное – что она хотела состариться только со своим мужем. Только с ним одним.

– Какой роман ты мне посоветуешь? – спросила Наталья Андреевна. – Хочется что-нибудь почитать перед сном.

Кирилл Степанович оживился. Он считал себя знатоком словесности и с удовольствием раздавал советы по поводу того, что в современной литературе стоит читать, а что не стоит.

На сей раз он произнес длинную речь, которую жена внимательно выслушала, и закончил ее словами:

– Конечно, сейчас литература уже не та. Даже граф Толстой стал менее интересен, а вот раньше... какие были имена! Пушкин, Гоголь...

Но Наталью Андреевну не тянуло сейчас ни к Пушкину, ни к графу Толстому, и она остановила свой выбор на старом проверенном Александре Дюма.

В семье Левашовых было принято завтракать всем вместе, и когда утром Лиза не спустилась из своей спальни, мать послала Соню разбудить дочь. Через минуту весь дом услышал пронзительный крик горничной.

Когда Наталья Андреевна, Оленька и несколько слуг вбежали в спальню Лизы, они увидели, что постель не смята. Сама девушка лежала на полу в подвенечном платье своей бабушки. Вызванный к Левашовым доктор констатировал, что Лиза была мертва уже несколько часов.

Глава 7

Знакомство

Сергей Васильевич пил кофе. Собственно говоря, жидкость, которую он смаковал маленькими глоточками, следовало бы назвать как-нибудь иначе, но так как язык человеческий несовершенен, придется за неимением лучшего все-таки остановиться на слове «кофе».

Сей удивительный со многих точек зрения напиток Ломов варил себе собственноручно, используя какой-то известный только ему одному рецепт. Кофе, который получался у Сергея Васильевича, был черен, как черный кот, своей густотой напоминал расплавленный асфальт и источал такой мощный аромат, что у человека неподготовленного могла закружиться голова. Кроме того, напиток, секрет приготовления которого Ломов хранил в строжайшей тайне, обладал свойством прочищать мозги после любой попойки и отгонять сон, даже если вы до того не спали пять суток.

Итак, Ломов пил кофе и размышлял – о задании, на которое начальство отправляло его вместе с баронессой Корф, и о том, чем оно может обернуться. Сергей Васильевич ничего не имел против Амалии, но не мог отделаться от мысли, что по условиям предстоящей миссии она вряд ли сможет чем-то ему помочь. Когда Ломов указал своему начальнику генералу Багратионову, что Амалия совершенно не подходит для того, чтобы участвовать в деле, он получил ответ, что остальные агенты заняты и потому Сергею Васильевичу стоит быть благодарным за то, что ему вообще выделили кого-то на подмогу.

– Кроме того, – добавил генерал, – вы отправляетесь не завтра и даже не послезавтра, так что у вас будет время, чтобы хорошенько подготовить госпожу баронессу. Уверен, вы сумеете сделать так, чтобы она не стала для вас обузой.

Сергею Васильевичу очень хотелось сказать что-нибудь заковыристое, но усилием воли он сдержался. За всю свою долгую и непростую жизнь ему практически не приходилось выступать в роли обучающего, но дело есть дело, и, поразмыслив, Ломов решил все-таки попробовать передать Амалии некоторые навыки, которые, как он полагал, ей пригодятся.

Поскольку баронесса владела огнестрельным оружием («удовлетворительно, но сойдет»), Сергей Васильевич сосредоточился на холодном оружии, а также на азах борьбы. Он учил Амалию фехтовать, метать кинжал в цель и кидать противника через себя. Баронесса Корф честно пыталась научиться, но Ломов видел, что, несмотря на все ее старания, у нее мало что получалось. И перед ним с удвоенной силой замаячила перспектива провала, а в той части света, куда их отправляли, перспектива такая почти неминуемо означала смерть.

Было бы ошибкой счесть, что Сергей Васильевич не думал о смерти. Скажем так: он не забывал о ней, как не забывают о неприятном кредиторе, от которого вы скрываетесь, но который однажды все равно объявится на вашем пороге и потребует сполна все, что вы ему должны. Однако Ломов поймал себя на мысли, что с недавних пор стал думать о смерти чаще, чем раньше, и ему это не нравилось.

Поглядев на часы, он обнаружил, что уже без четверти полдень, а в полдень должна была приехать баронесса. Допив кофе, Ломов отправился переодеваться, и ровно за пять минут до назначенного времени раздался стук во входную дверь. Но это оказалась вовсе не баронесса Корф.

– Ужасное происшествие! – выпалила Евдокия Петровна, войдя в гостиную более стремительным шагом, чем обычно. – Ты уже слышал? Лиза Левашова умерла...

Сергею Васильевичу потребовалось время, чтобы вспомнить, кто такая Лиза Левашова, – но, хоть убей, он не мог взять в толк, почему ему следовало интересоваться ее судьбой.

А Евдокия Петровна, не откладывая дело в долгий ящик, увлеченно поведала ему, как она отправилась за покупками и увидела Елену Ивановну, от которой и узнала обо всем случившемся.

– И ведь самое главное: ее нашли на полу в подвенечном платье! – Евдокия Петровна понизила голос до драматического шепота.

– Почему в платье, она же вроде не собиралась замуж, насколько я помню, – буркнул Ломов.

– Да, но она готовилась играть в любительском спектакле! Ты помнишь сон, который видели ее сестра и молодой Истрин? Помнишь, чем он кончился? Они оба увидели мертвую женщину в подвенечном платье!

Учув, что запахло мистикой, Сергей Васильевич скривился так, словно ему сунули под нос тухлую рыбу. Во входную дверь меж тем снова постучали, и денщик метнулся открывать.

– Я думаю, – добавила тетушка, – тебе стоит поехать к Левашовым и выразить свои соболезнования.

Ломов крякнул и вытаращил глаза.

– Зачем? Что это изменит? Родители потеряли ребенка, они безутешны. Я видел их только раз у Базиля... На кой черт им мои соболезнования?

– Видишь ли, – сказала тетушка с виноватым видом, – мне будет неловко ехать к ним одной...

Сергей Васильевич был готов взорваться. Он уже открыл рот, чтобы самым недвусмысленным образом дать понять, что ему нет дела до Левашовых и их горестей и вообще до всех гостей Базиля со всеми их проблемами, реальными или надуманными, когда в гостиной появилось новое лицо. Евдокия Петровна повернулась и с некоторым удивлением посмотрела на вновь прибывшую.

– Кажется, вы не представлены друг другу, – буркнул Ломов, одновременно посылая Амалии умоляющий взгляд. – Моя тетушка Евдокия Петровна Заболоцкая. Баронесса Амалия Корф.

Баронесса светски улыбнулась и объявила, что сожалеет о том, что прервала, по-видимому, интересную беседу.

– О да, чрезвычайно интересную, – процедил Ломов сквозь зубы. – Два человека увидели один и тот же сон, а потом третий человек умер. Черт знает что такое!

– Сережа, – вмешалась шокированная тетушка, – госпожа баронесса может подумать о тебе бог весть что! Стыдись!

Не в силах выразить бушевающие его чувства, Ломов сделал круг по комнате, злобно шевеля усами и запустив пятерню в волосы. Денщик уже успел скрыться, предвидя бурю, грозящую масштабами стихийного бедствия.

– Что это за история со снами? – спросила Амалия, поворачиваясь к Евдокии Петровне.

Тетушка оживилась и принялась описывать вечер у Базиля, на котором Оленька Левашова рассказала свой сон, причем выяснилось, что точно такой же сон видел сын хозяев. В конце сновидения появлялась мертвая женщина в подвенечном платье, и сегодня утром...

– Амалия Константиновна – женщина практическая, – не удержался Ломов, – она не верит в такие глупости.

– Почему же – верю, – уронила Амалия, и тон ее Сергею Васильевичу инстинктивно не понравился. – Скажите, ваш слуга не находил мою перчатку? Я нигде не могу ее отыскать.

– Полагаю, лучше всего будет справиться у него, – буркнул Ломов, протягивая руку к звонку.

– Наверное, он не услышит, – спокойно промолвила Амалия. – Вы упоминали, что звонок сломан.

Досадуя на себя за то, что не догадался сразу, куда дует ветер, хозяин дома пригласил Амалию следовать за собой, и они вышли из гостиной.

– Сергей Васильевич, – начала Амалия, когда стало ясно, что тетушка не может их слышать, – что все это значит?

Ломов шумно вздохнул и развел руками, словно призывая мироздание в свидетели, что он тут ни при чем.

– Сначала вас насторожил сон, который приснился двум людям сразу, – продолжала Амалия, – а теперь умер человек, и его смерть как будто связана с тем сном. – Баронесса Корф нахмурилась, напряженно размышляя о чем-то. – Знаете что, Сергей Васильевич, опишите-ка мне всех, кто был тогда в доме вашего знакомого. Когда мы с вами разговаривали в прошлый раз, вы упоминали некоторых из присутствовавших, но далеко не всех.

– Зачем вам это? – пробурчал Ломов.

– Я любопытна, – коротко ответила его собеседница. – Кроме того, я как-то видела Кирилла Левашова на благотворительном вечере. И у него были милые дочери.

– Ну, если вас интересует мое мнение... – Сергей Васильевич дернул шейю. – На вечере у Базиля присутствовали 17 человек, включая меня и тетушку. Как я понимаю, вам интересны остальные 15?

Амалия кивнула.

– Тогда приступим. Истрины – 4 человека. Базиль – прохвост и бабник, но вообще почтенная и уважаемая личность. Сын от первого брака Арсений – поручик и поклонник поэзии, о нем я вам уже говорил. Варвара Дмитриевна – вторая жена Базиля, костлявая и кислая. Пасынка терпеть не может. Имеет дочь Машеньку. – Ломов перевел дух. – Далее Левашовы – 4 человека. Кирилл Степанович – глава семейства, надежно посажен на цепь. Наталья Андреевна – его супруга, женщина, которая умеет добиваться своего. Лиза и Оленька – две дочери... С ними явился некто Ларион Маслов, студент, нечто вроде семейного приживалы. Кхм! – Ломов прочистил горло. – Теперь Устряловы – два человека. Елена Ивановна – знатная говорунья, душа общества. Порфирий Филиппович – ее муж, греется в ее лучах. Также присутствовало семейство Шаниных – родители и старшие сыновья. Павел Иванович – не советую играть с ним в карты, а так вполне пристойный господин. Александра Евгеньевна – супруга, почтенная клуша. Дети – Владимир и Николай, близнецы, студенты. Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство?

– Старшее поколение вы охарактеризовали исчерпывающе, – улыбнулась Амалия, – но вот младшее...

– Что о них можно сказать? – с раздражением промолвил Ломов, поведя своими широкими плечами. – Молодняк!

Сергей Васильевич был не настолько самоуверен, чтобы забыть, каким был в молодости он сам, но сейчас он предпочитал иметь дело с людьми взрослыми и состоявшимися, которым не надо делать скидок на возраст или разжевывать элементарные вещи.

– Кажется, мы тут заговорились, – сказал он. – Пора возвращаться к тетушке. Она, должно быть, недоумевает, отчего нас так долго нет.

– Да, в самом деле, – рассеянно отозвалась Амалия, думая о чем-то своем. – Поезжайте с ней к Левашовым. Ей будет легче, если вы будете рядом.

Тут, надо признаться, Ломов рассердился.

– Сударыня, – проскрежетал он, – смею вам напомнить, что наш долг...

– Нет, – твердо промолвила Амалия, – о долгах поговорим потом. Мне нужен ваш зоркий глаз и превосходный здравый смысл. Присмотритесь к людям в доме, послушайте, о чем они будут говорить. И пожалуйста, отнеситесь к этому всерьез, а не как к моей прихоти. Хорошо?

– Вы могли бы сами туда поехать и разузнать все, что вас интересует, – не удержался Ломов.

– Я так и сделаю, – кивнула Амалия. – Но вы отправитесь туда отдельно от меня. Позже мы сравним наши впечатления.

Сергей Васильевич нахмурился. Ему было что возразить своей собеседнице, но он неожиданно поймал себя на мысли, что совершенно не хочет с ней препираться. Нет слов, баронесса Корф умела приказывать.

– У вас есть какие-то соображения? – спросил Ломов напрямик.

– Слишком много совпадений, – медленно проговорила Амалия, глядя ему в глаза. – Два разных человека в одно и то же время видят один и тот же сон, а потом девушка умирает именно так, как было показано во сне. Что-то тут нечисто.

– Но вы же говорили, что Арсений Истрин видел другой сон, просто вообразил, что... – начал ее собеседник.

– Я не знаю, что там видел господин Истрин, – отрезала Амалия таким тоном, что у Ломова, хоть он был вовсе не робкого десятка, по коже побежали мурашки. – Я знаю, что происходит нечто странное, и хорошо бы в нем разобраться. Вот, собственно, все, что я пока могу сказать.

Глава 8

Визит

Оленька больше не плакала. Она находилась в том зыбком, подавленном состоянии, которое вызывает неожиданно обрушившееся горе после того, как кончаются слезы, силы и слова. Доктор сказал, что Лиза умерла, мама рыдала, и на нее было страшно смотреть, отец словно окаменел... Но Оленька не находила в себе сил думать о смерти. Воображение переносило ее в те недавние – и, как выяснилось теперь, счастливые – дни, когда Лиза была рядом, когда тень того кошмарного сна еще не нависала над ними, когда они...

Отношения сестер не всегда были равными, и младшей случалось бунтовать против старшей; но теперь Оленька понимала, что все их ссоры были вызваны, по сути, пустяками, и глубоко сожалела о каждой из них. Ее мучило, что она больше ничего не сможет объяснить Лизе, что сестра уже ее не услышит и что все кончено – кончено навсегда. Лиза ушла точь-в-точь как во сне, который...

Но Оленька не хотела сейчас вспоминать о сне. В дверь постоянно звонили, приходили люди с выражениями соболезнования, знакомые и не очень знакомые. Появилась и Машенька с родителями. Базиль и его жена, пообщавшись со старшими Левашовыми, удалились, а Машенька попросила позволения остаться с Оленькой, чтобы поддержать ее в тяжелую минуту, и, разумеется, получила согласие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.